

СТУДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ БАТАЛИСТОВ И МАРИНИСТОВ

Он был поэтом от рождения

(Воспоминания жены Владимира Науменкова — Маргариты Ивановны Беловой).

— ПОЗНАКОМИЛАСЬ я с ним в Тиличихах, находясь там в командировке в 1969 году. Я зашла в редакцию газеты «Заря коммунизма», где он тогда работал, а у него — день рождения.

Мои знакомые журналисты, среди них Володя Данилов, пригласили меня с собой. Я не знала к кому идем, хотя уже и слышала о Науменкове в Петропавловске от его друга Анатолия Соловьева — скульптора. Он очень много знал Володиных стихов, и охотно их читал.

На дне рождения Владимир читал стихи, посвященные Северу. Он был очень колоритным молодым человеком. Я обратила на него внимание, и, как оказалось, он на меня тоже.

Весной 1970 года он появился в Петропавловске. Володя физически не смог перенести закрытого пространства, каким в те годы был северный поселок Тиличихи. Хотя до самых последних дней был благодарен за радушный прием ныне покойному редактору районной газеты Владимиру Костину и Павлу Козлову.

В Тиличихах жили с ним мать Ольга Федоровна и сестра Зина. Он очень гордился борщами, которые варила для него мама.

И, если в Тиличихах он чувствовал себя достаточно уютно, то, переехав в Петропавловск, ощутил себя никому не нужным, хотя он и знал многих журналистов областного центра. Еще работая в «Залпе», неоднократно навещался со стихами в петропавловские газеты, на радио. В 1970 году устроился курьером в «Камчатский комсомолец». Кажется, редактором газеты тогда был Павел Козлов. Все-таки дружба в беде его не бросали. Где-то с этого же времени мы стали жить вместе. В 1972 году у нас родилась дочь Ольга. Ее он назвал в честь матери. Володя очень любил отца, мать, сестру, детей. А еще он любил поэзию.

В знании ее с ним я сравниться не могла. Хотя, закончив искусствоведческий факультет института имени

Репина, неплохо знала русскую и мировую литературу. Он знал поэзию блестяще. Пока не постигнет того, что хотел знать не отступал. Пушкина, Лермонтова, поэтов серебряного века знал от и до. Преклоняясь перед ними, кумиров, однако, из них не делал.

У него была феноменальная память. Он не любил поэтов, не считая их поэтами, но стихи Ахматовой и Цветаевой знал досконально и спор об их творчестве мог вести основательный.

К классическому русскому искусству интерес у него был велик. На нем мы и сошлись. Он все хотел знать. Если критикуют Репина или хвалят, допустим, Глазунова, он стремился узнать почему. При встречах с художниками споры у них возникали жесткие. Мнение у него обо всем было «очень личное». Оно всегда не совпадало с официальной точкой зрения.

Бывало я принесу рукопись Солженицына, а он прочтет внимательно и тут же в титан. Я кричу: «Что ты наделал? Мне же отдавать ее надо!» А он мне советовал такую литературу больше в дом не приносить. Любил многих авторов — русских и зарубежных.

Отбор был абсолютно жестким. Кого-то уважал, но не читал, кого-то читал, но не уважал, но всегда говорил только о том, что знал. Даже модных в те годы, по его оценке «конъюнктурных», писателей и поэтов перечитал. Что-то принял, что-то отверг. Но всегда был в курсе литературных событий.

И пострадал он в основном из-за того, что тягался со столичными поэтами. Стихи о культе личности, он считал, у него получались лучше, чем у Евтушенко. Но ведь он был военным журналистом, и вольнодумства бюрократическая машина ему простить не могла.

Поступок редактора «Зари коммунизма» Владимира Костина, принявшего его журналистом на работу, Володя считал гражданским подвигом. Ведь уволили Науменкова из армии с так называемым «волчьим билетом». Он нигде не мог устроиться на творческую работу. Хотя членом Союза журналистов был с 1965 года, а поэтом от рождения...

По окончании беседы Маргарита Ивановна передала мне тетрадь с ранними стихами Владимира Науменкова, первые из которых датируются 1958 годом. Возможно, где-то они печатались, но их публикаций в местной прессе я не встречал. Поэтому предлагаю вниманию читателей некоторые из них.

* * *

ДАЛЕКО от Заполярья
За хабинскими отрогами
Забелен садами край мой,
Где мужала юность
строгая,
То лесистый,
то пшеничный,
Весь в сиреневых букетах,
В соке красном спелых
вишен,
В бахрому лугов одетый
Я люблю тебя, мой
Курский,
Край зеленых косогорий:
Вольный-вольный,
Русский-русский,
Край просторов и
раздолий.

1960 г.,
Кольский залив.

* * *

Мне вас не сбить, мозоли,
с рук моих
Да, собственно,
зачем мне это надо.
Пускай они,
как неподдельный стих,
Оставят след
на память о бригаде.
О той семье,
на слово грубоватой,
О тех сердцах,
отзывчивых на беды,
О строгой совести,
подчас и горьковатой,
О всех ошибках наших
и победах.

20.04.1961 г.

Публикации подготовил
Г. СТРУНАЧЕВ-ОТРОК.